

Л. А. САВЁЛОВА (Северодвинск / Тромсё)

Современные архангельские говоры: сопоставление двух частных диалектных систем

Своеобразие речевой ситуации в Архангельской области определяется многими факторами: она занимает обширную территорию на северо-западе России, граничит с разными областями и республиками, то есть находится отчасти в инодиалектном, отчасти — в иноязычном окружении, имеет богатые и древние культурно-нравственные традиции, относится к числу территорий неисконного (но вместе с тем очень давнего) заселения, большую её часть составляют сельские населённые пункты, жители которых являются носителями местных говоров и т. д.

В 1997 году мною были сделаны записи диалектной речи в двух деревнях Приморского (с. Нёнокса, д. Лахта) и нескольких деревнях Верхнетоемского (деревни Власьевская, Алексеевская, Копытовская, Фатьяновская, Осиевская, Першинская Афанасьевского сельсовета, Пучужская, Мальцевская, Жаравинская Пучужского сельсовета, Наволок, Прилук Нижнетоемского сельсовета) районов. Среди названных есть населённые пункты, где уже собирался материал для АОС и ЛААО (Нёнокса, Пучуга, Нижняя Тойма). Целостного же диалектологического описания говора указанных территорий ещё не получили. Думается, что хоть и не в полном объёме, но в значительной мере они отражают современное состояние архангельских говоров.

Приморский и Верхнетоемский районы удалены друг от друга на расстояние порядка 300-400 километров. Нёнокса и Лахта расположены в окрестностях Летнего Берега Белого моря, недалеко от города Северодвинска. Верхнетоемский район находится на юго-востоке области. Группа деревень, где собирался материал, расположена в верхне-среднем течении Северной Двины, большей частью на левом берегу, ближе к границе с Виноградовским районом.

Поскольку это территории сравнительно поздней славянской колонизации, для изучения говоров важно установить материнскую

основу (Баранникова, 1975: 22). Опираясь на данные по истории заселения этих мест и языковые факты, вполне обоснованно считать исходными для обеих территорий древне-новгородские диалекты. Но при этом необходимо иметь в виду разницу во времени заселения этих территорий: начало новгородской колонизации Поморья приходится на X век (Зайцев, 1983: 11; Попов, 1991: 46), а двинских и важских земель — на XII век (Тунгусов, 1995), — для истории языка и диалекта, в частности, это разные этапы развития. Кроме того, в верхнетоемской земле происходили более сложные миграционные процессы, связанные с тем, что позднее эту территорию начали осваивать ещё и ростово-суздальцы.

Анализ языковых явлений разных уровней в говорах Приморского и Верхнетоемского районов (Верхн. и Прим., соответственно) позволяет сделать предварительный вывод о том, что перед нами две частные диалектные системы (ЧДС), несмотря на то что они имеют общую материнскую основу и обнаруживают много сходств.

По количеству гласных фонем рассматриваемые говоры являются пятифонемными, сохранившими, однако, следы древней гласной верхне-среднего подъёма <ê> (ɛ̃). В положении под ударением между мягкими согласными (редко — по аналогии — после мягкого перед твёрдым) возможно изменение фонемы <a> в звук [e] и <e> (из ɛ̃) в [и]. Например: *с пр'эс'н'иц'ам'и* 'с прятницами' ('с прятками'); *пр'эс'енк'и* 'прясенки' ('прятки'); *обр'эд'имс'а* 'обрядимся' (со скотом); *оп'эт'* 'опять'; *п'јэн'иц'а* 'пьяница'; *с'ет'* 'сядь'; *јэс'л'и* 'ясли'; *јэиц'а* 'яйца'; *заставл'эйо* 'заставляет'; *н'е жал'ійу* 'не жалею'; *жал'іл'и* 'жалели'; *іс'* (и производные) 'есть, питаться'; *сјіз'д'ит* 'съездит'; *в'ін'ик* 'веник'; *м'іс'ац'а* 'месяца'; *смотр'іт'* 'смотреть'; *б'из'д'іл'н'ик* 'бездельник'; *м'іл'ен'кой* 'меленький, мелкий' (Верхн.); *с'эду* 'сяду'; *оп'эт'* 'опять'; *хот'іл'и* 'хотели'; *пос'ид'іл'и* 'посидели' (Прим.). Причём в Верхнетоемском районе это явление характеризуется высокой частотностью, а в Приморском районе фиксируются единичные случаи при преобладающем произношении тех же слов с [a] или с [e] под ударением, но в приморской ЧДС возможно звучание закрытого, очень узкого [ê] в той же позиции: *в'êишиы* 'вещи'; *по сх'эм'е* 'по схеме'; *уч'êн'ія* 'учения'; *м'êс'аца* 'месяца' (на месте *e* любого происхождения).

Явления перехода *e* (из *ѣ*) в *и* и *'a* в *e* были свойственны и древненовгородским диалектам. Но как указывает А. А. Зализняк, «самые ранние надёжные свидетельства этого перехода относятся к рубежу XII-XIII веков» (Зализняк, 1995: 57). Может быть, этим фактом объясняется разница в распространении данного явления в тоемской и в приморской ЧДС. В современных новгородских говорах, и владимирско-поволжских тоже, в указанном положении звучат [e] и [a], как в литературном языке, за очень редким исключением (см. ДАРЯ, Вып. I, карты 41, 43). То, что позиция под ударением между мягкими согласными является слабой для фонем <a> и <e> (из *ѣ*), типично для северо-восточной диалектной зоны.

Отдельные примеры свидетельствуют о расширении функций одной фонемы за счёт другой, что имеет место в обеих ЧДС: *соб'ер'эс'с'е* 'соберёшься', *н'е пр'ид'эц'ц'е* 'не придётся', *нав'ерн'эс'с'е* 'навернёшься' ('упадёшь'), *над'эр'гам* 'надёргаем', *зам'эрз'н'ем* 'замёрзнем'. Звук [e] в такого рода словах сохранился перед мягким или поздно отвердевшим согласным, то есть условий для третьей лабиализации не было. Иногда, напротив, в соответствии с литературным [e] звучит [o]: *д'оржыт* 'держит', *под'д'орика* 'поддержка', *совр'ем'б'инный* 'современный', *кр'ост* 'крест', *т'ел'бга* 'телега', — несмотря на то, что не всегда есть условия для перехода *e* в *o*. Круг таких слов ограничен, все они употребляются параллельно с *e*-вариантами.

Тип безударного вокализма после твёрдых согласных в рассматриваемых говорах — полное оканье, то есть гласные неверхнего подъёма различаются во всех безударных слогах: *пој'эхала*, *од'ин*, *захот'эла*, *борон'ил'и*, *на кобыл'е*, *на лошад'э*, *этого*, *поуц'илас'е*, *соб'ирал'и*, *ласково*, *нав'эрно* и т. д. В безударной приставке *раз-* (*рас-*) преобладает произношение звука [o] на месте фонемы <o>: *розр'эзал'и* 'разрезали', *розвороц'ал'и* 'разворочали', *росп'йан'ушиной* 'распьяняющий', *рошии'блас'* 'расшиблась', *росклад'бм* 'раскладём' (Верхн.); *роска'зывала* 'рассказывала', *розругал'ис'е* 'разругались', *н'е розб'ирала* 'не разбирала', *рошии'т'айт'е* 'рассчитайте', *розор'ила* 'разорила' (Прим.), но возможен и [a]: *н'е разб'иралас'*, *разор'ила* и т. д.

На месте современной гиперфонемы <a/o> возможен звук [o] там, где ожидается [a] (если ориентироваться на написание): *ро-бóтат'* 'работать' и производные, *борáн* 'баран', *конáва* 'канава', — или наоборот [a] там, где ожидается [o]: *с канф'этыма* 'с конфетами', *до кантóры* 'до конторы', *каснóу'ис'* 'коснулись', *камáндуит* 'командует'. Такого рода примеры составители ДАРЯ не расценивают как отклонения от оканья и не картографируют их. Некоторые слова отражают реализацию фонемы <a> в звуке [o]: *кокóй* 'какой' (Верхн.); *кокóй*, *досод'íла* 'досадила', *попахáла* 'попахала', *пахáла* 'пахала', *свор'íл'и* 'сварили' (Прим.). Одни из случаев такого произношения можно объяснить ассимиляцией (прогрессивной или регрессивной), другие же нет. Данное фонетическое явление распространено в разных говорах севернорусского наречия, а также в некоторых новгородских и владимирско-поволжских (ДАРЯ, Вып. I, карта 1).

Безударный [o] может подвергаться более сильной лабиализации и приближаться по артикуляции к [y]: *думóй* 'домой', *уд'íн* 'один', *путóм* 'потом', *гуловóй* 'головой' (Прим.); *кун'у* 'коню', *в буковóю* 'в боковую' (Верхн.). Как видно из примеров, в приморской ЧДС не прослеживается зависимость качества предударного гласного от того, какой звук находится под ударением, что сближает её с некоторыми вологодскими и в меньшей степени новгородскими и владимирско-поволжскими говорами.

Неразличение гласных наблюдается, как правило, в позиции наибольшей обусловленности — между мягкими согласными. Так, в звуке [и] возможна реализация фонемы <e> (из ɛ): *к в'ин'цу!* 'к венцу', *в'ин'ч'án'ийе* 'венчание', *з д'ит'ám'и* 'с детьми', *в м'ис'ац'у!* 'в месяце', (ср. также *н'евдóлг'и* 'невдолге = вскоре' — Верхн., но *н'евдóлг'е* — Прим.); реже <e> (из ?e и ?ь): *ос'ин'эс'* 'осенесь = осенью', *б'из'д'íл'н'ик* 'бездельник', *н'ид'íл'ку* 'недельку'; ещё реже <a>: *п'ит'íd'ес'ат'и!* 'пятидесяти'. Фонема <o> в безударном положении после мягких согласных представлена как звуком [e]: *сн'есу!* 'снесу', *ум'ер'эт'* 'умереть', *св'екрóва* 'свекровь', *в'еду́т* 'ведут', *в'езу́т* 'везут' (Верхн.), *бр'еду́* 'бреду', *в'еснóй* 'весной', *розв'елá* 'развела', *от'ел'íл'ис'* (Прим.), — так и звуком [o]: *м'отáл'и* 'метали', *такóйо* 'такое', *постановл'én'йо* 'постановление', *пóл'о* 'по-ле',

со вр'ём'ен'ом 'со временем', *од'ён'от* 'оденет', *пр'ијэд'ош* 'при-едеш', *пр'иэд'о* 'приедет' (Верхн.), *прол'ожу!* 'пролежу', *јому* 'ему', *гѡр'о* 'горе', *вр'ём'о* 'время', *вы́рас'т'от* 'вырастет', *бу'д'от* 'будет' (Прим.). То же после шипящих: *жон'их* 'жених', *жон'ихá*, *шос-на́цат'и* 'шеснацати', *ска́жош* 'скажешь', *гд'е жо* 'где же', *тѡжо* 'тоже', *з бл'у́ццом* 'с блюдцем', *хѡч'ом* 'хочем = хотим', *н'е похѡжо* 'не похоже', *кн'и́жок* 'книжек'. Ёканье было характерной чертой и древненовгородского диалекта письменной эпохи (Зализняк, 1995: 56). В рассматриваемых говорах на современном этапе развития его отражают в основном определённые грамматические формы — прежде всего формы среднего рода имён существительных и прилагательных и личные формы глаголов I спряжения, — то есть это явление в достаточной мере морфологизовано и не является живым фонетическим процессом в настоящее время. Многие слова имеют параллельные варианты произношения, в том числе и в речи одного информанта.

Безударный вокализм после мягких согласных не представляет собой «чистого» типа. Но всё же основную модель можно определить как звучание [e]/[o], [e], [a] после твёрдых и [e], [e]/[и], [a] после мягких согласных в соответствии с <o>, <e>, <a>; она близка, с одной стороны, некоторым онежским, с другой — значительной части вологодских говоров, а также северо-восточной зоне в целом (ДАРЯ, Вып. I, карта 3).

Среди консонантных особенностей следует назвать следующие: взрывной характер заднеязычной звонкой фонемы; мягкое цоканье, по первым наблюдениям, в разных стадиях разложеия в приморской и верхнетоемской ЧДС; произношение долгого твёрдого звука [шш] в соответствии с литературным [ш'ш'], диалектную артикуляцию зубных [з'], [с'].

В обеих ЧДС представлено три аффрикаты [ч'], [ц] и [ц']. Причём [ц] и [ч'] употребляются, как правило, в соответствии с литературной нормой (*ца́пл'ин* 'цаплин', *ч'елов'эк* 'человек'), а [ц'] может соотноситься как с той, так и с другой фонемой: *в бол'н'и́цу* 'в больницу', *рукав'и́цу* 'рукавицы', *на м'эл'н'и́це* 'на мельнице', *кон'ц'и́* 'концы', *в м'ис'а́ц'у́* 'в месяце'; *н'и́ц'евѡ* 'ничево', *мо́лц'и!* 'молчи', *розворѡ́ц'ал'и* 'разворочали, разрушили', *п'етрѡ́в'и́ца* 'пет-

ровича', *роскула́ц'ивал'и* 'раскулачивали', *с'ец'ас* 'сейчас', *ц'асы!* 'часы', *ц'етьыр'е* 'четыре', *зна́ц'ит* 'значит', *пл'ец'ом* 'плечом', *оку́ц'иват'* 'окучивать', *ф фуа́йец'ках* 'в фуфаячках' (Верхн.); *моло-д'и́ц'у* 'молодицу', *ф ку́з'н'иц'е* 'в кузнице', *м'ил'иц'ион'эра* 'милицио-нера'; *по ц'ерт'ежу!* 'по четвержу', *ц'етв'ортой* 'четвёртый', *ц'етьыр'е* 'четыре' (Прим.). Нередко мягкий [ц'] (или [ц']) звучит в соответствии с нормативным твёрдым [цц] в возвратных глаголах: *н'е сад'и́ц'ц'е* 'не садится', *н'е при́д'е́ц'ц'е* 'не придётся', *нап'ю́ц'ц'е* 'напьются', *вы́моиц'ц'е* 'вымоются', *н'е мо́л'иц'ц'е* 'не молится', *н'е ка-са́иц'ц'е* 'не касается', *труд'а́иц'ц'е* 'тру!дятся' (Верхн.); *при́б'и́раиц'ц'е* 'прибирается', *на́л'и́ваиц'ц'е* 'наливается', *полома́иц'ц'е* 'поломается', *н'е полу́ч'а́иц'ц'е* 'не получается', *да́в'и́ц'ц'е* 'давиться = вешаться' (Прим.). Мягкое цоканье отличало в прошлом и древненовгородские диалекты от других, поэтому варианты произношения с [ц'] более архаичные. Собранные материалы показывают, что круг слов, охваченных этим явлением в верхнетоемской ЧДС шире, чем в приморской. В описываемых говорах в словах с этимологическим [ч'] иногда трудно на слух чётко дифференцировать [ц'] и [ч'], кажется, что звучит что-то среднее между ними. Видимо, это всё-таки рефлекс более древнего неразличения аффрикат. Для значительной части северной и северо-восточной зон характерно совпадение аффрикат в [ц'], которое местами сосуществует с твёрдым цоканьем (имеющим бóльшие ареалы распространения на территории западных псковских диалектов и на границе между окающими и акающими восточными среднерусскими (ДАРЯ, Вып. I, карта 47). Современные новгородские говоры так или иначе отражают различие аффрикат (ц-ч', ц'-ч', ц-ц'), в части из них (то же относится и к псковским) имеет место мягкое цоканье (там же), но не в таких размерах, как в Архангельской области.

Произношение [шш] и [жж] вместо литературных [ш'ш'] и [ж'ж'] одинаково широко распространено в каждом из обследованных регионов и не только в речи пожилых людей: *кла́дб'ишии* 'кладбище', *доиши* 'дождь', *тра́л'ишыка* 'тральщика', *руковод'а́ишиему* 'руководящему', *в'е́ишы* 'вещи', *ута́ишыт* 'утащит', *по доиши́ч'к'е* 'по дощечке'; *при́и́ежжа́л'и* 'приезжали', *дожжа́-то* 'дождя-то'. Данное

фонетическое явление, как известно, характеризует периферийные говоры (Захарова, Орлова, 1975: 67).

Диалектная артикуляция свистящих согласных, заключающаяся в ином, чем в литературном языке и многих говорах, месте образования этих звуков, обращает на себя внимание исследователей при описании архангельских говоров (Пожарицкая, 1997: 66, 142). В отношении некоторых из последних есть мнение, что «переднеязычные фрикативные свистящие согласные с и з как твердые, так и мягкие, особых замечаний не вызывают» (Кузнецов, 1949: 27). Применительно к приморской и тоемской ЧДС, вместе взятым, есть смысл говорить о разной степени отодвинутости в область среднего нёба места образования данных звуков, которая [степень] в целом не является индивидуальной чертой и может быть неодинаковой в речи одного информанта. Поэтому в одних словах эти звуки воспринимаются на слух как свистящие (чаще наблюдаемая ситуация), в других — как шипящие. Наличие примеров с явно шепелявым произношением (*фс''о*, *софс''ём*, *з''имус''*, *ос'ин'ёс''* и др.) позволяют заключить, что артикуляция свистящих в описываемых ЧДС несколько отличается от других русских говоров и литературного языка. И это тем более значимо, если учитывать, что такое произнесение данных звуков не имеет возрастных ограничений. Возможно, неясный звук [ц'/ч'] — это тоже смещённый назад переднеязычный [ц'], — а сами фонетические явления этого порядка связаны с особенностями артикуляционной базы диалектоносителей и не проявляются на фонологическом уровне.

Возможно упрощение конечной (а также в середине слова перед согласным) группы согласных: *пóйес* 'поезд', *шес'* 'шесть', *шерс'* 'шерсть', *ис'* 'есть, питаться', *хоз'áйсво* 'хозяйство', *расрбóйсво* 'расстройство', *нач'áл'сво* 'начальство'. Поэтому некоторые примеры могут трактоваться двояко: и как диалектизмы, и как просторечия: *жыс'* 'жизнь', *јес'* 'есть'. Последовательнее упрощается сочетание мягких звуков, практически не употребляются без конечного [т] слова типа *мост*, *хвост*, *пост*.

На фонетическом уровне сосуществуют явления двух порядков: с одной стороны, стремление к «полновесному» звучанию каждого слова, каждого звука (отсутствует редукция), с другой, —

обычна утрата в потоке речи отдельных звуков (как гласных, так и согласных) и целых слогов: *д'эушка* 'девушка', *моот* 'может', *зад'элыал'и* 'заделывали', *раз'е* 'разве', *кол'ко* 'сколько', *токо* 'только', *говр'ит* 'говорит', *сол'завот* 'солезавод'. На возможность утраты некоторых звеньев звуковой цепи, в частности, на то, что гласные в архангельских говорах могут редуцироваться, иногда до нуля, обращал внимание П. С. Кузнецов, описывавший говоры Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. Он указывал на факультативный характер редукции в данных системах и считал, что она возможна только в определённых фонетических условиях: «чаще всего между двумя ударениями — главным и побочным — в соседстве с сонорными согласными и в» (Кузнецов, 1949: 20). «Приморский» и «тоемский» материал не противоречит этому утверждению, но даёт возможность оперировать меньшим количеством примеров, чем приведено в цитированной статье. Так, мною не зафиксированы (и, может быть, не представлены в говорах) случаи произношения типа: *дэфшка, по у́лице, врем'н'ом, цты́р'е* (там же, 20-21; транскрибировано, как у автора). Подобные изменения отражают, как правило, одни и те же, часто употребляющиеся слова.

Морфологические диалектные особенности затрагивают область каждой части речи. Распределение имён существительных по родовым классам совпадает с литературным языком (отклонения будут скорее всего фактами просторечия). Небезынтересно отметить, что, например, в Верхнетоемском районе, как в других архангельских говорах, наряду с названиями Архангельск, Мурманск, Северодвинск употребимы *арха́нг'ел'ско, му́рманско, с'ев'еро-дв'и́нско*. Возникновение подобных форм едва ли возможно объяснить фонетически. Отнести их безоговорочно к категории среднего рода также затруднительно, поскольку они функционируют в речи без адъективных распространителей, а в рассматриваемых говорах есть имена существительные мужского рода на -о, правда, со значением лица (*ба́т'ко, д'эдушко* и под.).

Диалектные черты проявляются в словоизменении. Характерно для архангельских говоров выравнивание основ по форме единственного числа: *годóф* 'лет' (Верхн. и Прим.); *роб'онкоф* 'детей', *роб'онк'има* 'детьми', *т'ел'онкоф* 'телят', *т'ел'онкам* 'телятам',

т'ел'бнк'има 'телятами' (Верхн.). Первый и второй типы субстантивного склонения несколько отличаются по составу единиц от других языковых систем. Так, некоторые существительные женского рода, склоняющиеся в литературном языке по III типу, могут изменяться по I, более продуктивному: *куд'эл'а* - *куд'эл'у* - *куд'э-л'ей*, — или хотя бы иметь некоторые падежные окончания существительных на *-а*: *на пов'йт'е* (им., вин. пад. — *пов'йт'*), *пр'и (сов'эцкой) влас'т'е* (им., вин. пад. — *влас'т'*); *на лошаад'э* (им., вин. пад. — *лошат'*), *на п'еч'э* (им., вин. пад. — *п'еч'*). При этом и ударная и безударная разновидности окончания *-е* выступают как факультативные по отношению к *-и*. Второй тип склонения может пополняться за счёт существительных на *-мя*: *ф (красном) знам'е*, (*н'е ш'ч'итал'ис'*) *с вр'эм'ом*, — выравнивающих основу по форме им. пад., и ряда слов, обозначающих лиц мужского пола (в литературном языке на *-а*): *бат'ко* - 2 *бат'ку* - 3 *бат'ком*; *бат'ушко* - *бат'ушку (скажут)* - 3 *бат'ушком*; *д'ётко* - 2 *д'ётку* - 3 *д'ётком*. В целом же подвижки в вариантах склонения незначительны: некоторые из форм функционировать параллельно: *куд'эл'а* и *куд'эл'*. Единичный случай употребления *фам'ил'* не может считаться показательным в плане приобретения существительными на *-ия* признаков другого типа склонения, так как это не подтверждается формами косвенных падежей, контекст не несёт информации и о роде этого слова: *забыла* как *фам'ил'*, *у наших севасјановы фамиль-та*. (Верхн.).

В речи старожилы Верхнетоемского района активно используется форма *цёрква* (*ф цёркву* - *к цёркв'е* - *за цёрквой* - *ф цёркв'е*), то есть существительное с бывшей основой на *'у* долгий стало изменяться не по III, а по I типу склонения. В Приморском же районе зафиксированы формы *цёркоф'*, *ф цёркоф'*, *ф цёрквы (стойала)* и *ф цёрквы (ход'ила)*, — собственно диалектными являются формы местн. и вин. падежей.

Показательны некоторые диалектные окончания. Для говора приморских деревень типична омонимия флексий род., дат. и местн. падежей: (*ног'и ухóжены*) *на ф'эрмы* 'на ферме'; (*сын-то тут*) *в н'бноксы* 'в ёноксе'; (*собач'к'и натолкал'и*) *бабы л'эны* 'бабе Лене'; это черта северо-западной зоны (Захарова, Орлова, 1970: 89). В тоемской ЧДС это явление не имеет места, но как противополо-

ставленное диалектное различие здесь выступает окончание твор. пад. мн. ч.: *с канф'этыма* 'с конфетами', *кён'има* 'конями', *с помощью коней*', *машыныма* 'машинами', *куц'има* 'кучами', *жёнк'има* [учились] 'жонками = женщинами = уже будучи взрослыми', (ср. также местоимение-существительное *с' н'имá* 'с ними'). Конечное 'ма у существительных с безударным окончанием имеет достаточно чёткие ареалы распространения на самом северо-востоке картографированной в ДАРЯ территории и по берегам Онежского озера (ДАРЯ, Вып. II, карта 41). Также продуктивна данная флексия у прилагательных, в том числе местоименных: *своимá* (*рукáм'и*) 'своими', *з зойк'инымá* (*роб'ёнк'има*) 'с зойкиными', *мáл'ен'к'има* (*р'умоч'к'има*) 'маленькими', *этак'има* 'такими', *так'има* 'такими' и т. д. При возможности согласования формы прилагательного на -*има/-ыма* с существительным на -*ами* (ситуация, типичная и для других архангельских говоров, в частности — пинежских) не наблюдается обратное соотношение окончаний у согласующихся имён.

Среди прилагательных, в том числе субстантивированных, широко представлены стяжённые формы, способные изменяться по родам, числам и, частично, падежам: *мáл'ен'ка*, *отп'эта*, *п'эрва*, *такá*, *пóлна*; *осóбо*, *такó*, *ф п'эрво* (*вр'ём'о*); *стáры*, *осóбы*, *мáл'ен'к'и*, *грáмотны*, *котóры*, *стар'инны*, *сáмы*; *котóру*, *закрýту*, *на м'элку* (*картóшку*) (Верхн.); *трúдна*, *худá*, *хорóша*, *такá*, *остал'но*, *ч'эсно* (*слóво*); *хорóшы*, *худы*, *плох'и*, *трúдны*, *как'и-то*, *высóбка*, *глúпа*, *с'ин'а*, *лáскова*, *дóбра*, *н'еч'и́ста* (*с'и́ла*), *набож-на*; *в м'и́рно* (*врем'а*) *молоды*, *н'егóдны* (*параз'и́ты*), *а́цк'и* (*робóты*) и т. д. (Прим.). В мужском роде подобные формы возможны только с постпозитивными частицами и очень редко используются диалектоносителями: *п'эрв-от* (*гот*), *нóв-от* (*дом*), *стáр-от* (*д'ётко*) (Верхн.).

У полных прилагательных наряду с безударным окончанием -*ий/-ый* всё ещё распространено -*ой*: *грáмотной* 'грамотный', *н'е сáмой хорóшой* 'не самый хороший', *с'импат'и́чной* 'симпатичный', *н'е кур'áшиной* 'некурящий', *робот'áшиной* 'работящий', *н'едружел'убной* 'недружелюбный'.

Окончание род. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений выступает в качестве различительного диалектного явления для при-

морской и тоемской ЧДС. Если в первой возможны *-ого/-его* и *-ово/-ево*, то во второй только аломорф со звуком [в]: *тр'эт'йего* 'третьего', *из-за этого* 'из-за этого', *его* 'его', *стáришего* 'стар-шего', *годовóго* ' годового' и *с'евóд'н'а* 'сегодня', *евó* 'его', *н'е за л'убóво* 'за нелюбого = за нелюбимого' (Прим.); *н'ич'евó стрáиново* 'ничего страшного', *какóво* 'какого', *тр'эт'йево* 'третьего', *этого* 'этого', *евó* 'его' (Верхн.). Как отмечают авторы древнерусской грамматики, «состав лексем, в которых отмечено окончание Р. *-ого*, очень ограничен [...] Хотя приведенный материал относится ко всей территории, охваченной изученными памятниками, однако большая часть примеров приходится на территорию Новгорода» (Древнерусская..., 1995: 310).

В области глагола диалектные особенности частично затрагивают категорию времени, достаточно редко, но всё же употребляется давнопрошедшее (ср. также данные С. К. Пожарицкой, указ. соч., 144): *а лон'и мы д'эфка был'и от ход'ил'и мы куды-то там* 'а в прошлом году мы ходили куда-то' (Верхн.); *войённы был'и жыл'и* 'военные жили', *п'ер'естрóйка былá кон'ёино мн'е хорошó далá* 'перестройка [дома] мне, конечно, хорошо дала (меня сильно подкосила)' (Прим.). Некоторые глаголы функционируют как двувидовые: *хл'ен род'ил'е* 'хлеб рождался' (Верхн.); *оциу ал'ександру исповёдалас'* 'отцу Александру исповедывалась' (Прим.). Глаголы, употреблённые в данных контекстах в значении имперфективов, обычно передают значение совершенного вида.

Для той и другой ЧДС характерны стяжённые формы с ударением как на корне, так и на тематическом гласном основы (стяжению подвергается только звукосочетание *-аие*): *под'элаиш* 'поделаешь', *здумаишь* 'вздумаешь', *выпадыват* 'выпадывает = выпадает', *зарабатыват* 'зарабатывает', *думаиш* 'думаешь', *поросказываиш* 'порассказываешь', *срыва́м* 'срываем' (Верхн.); *спрашиват* 'спрашивает', *конч'ат* 'кончает', *чит'ат* 'читает', *закрив'ат* 'закрывает', *зд'элаиш* 'сделаешь', *зд'элам* 'сделаем' (Прим.), — и постфикс *-се* возвратных глаголов: *сад'имс'е* 'садимся', *отрав'ис'с'е* 'отравишься', *нап'йуц'е* 'напьются', *пострóимс'е* 'построимся', *расп'исывац'ц'е* 'расписываться' (Верхн.); *задав'имс'е* 'задавимся', *н'е заступ'ил'с'е* 'не заступился', *руг'имс'е* 'ругаемся', *см'ей'алас'е* 'смеялась', *розру-гáлас'е*

'разругалась' (Прим.). Существенное отличие между данными ЧДС состоит в том, что в говоре тоемских деревень у глаголов в форме 3 л. отсутствует конечный [т], у глаголов I спряжения — в единственном числе, у глаголов II спряжения — во множественном: *бúд'о* 'будет', *пр'ийéд'о* 'приедет', *н'е знáйо* 'не знает', *пáхн'о* 'пах-нет', *пособл'эйо* 'пособляет = помогает', *кач'эйо* 'качает', *ч'итáйо* 'читает', *ср'éd'а* 'срядят = оденут', *хорóн'а* 'хоронят', *вы́куп'а* 'выку-пят', *сйíz'д'а* 'сездят', *хóд'а* 'ходят', *пóжыв'ó* 'поживёт', *наклад'ó* 'накладёт', *говр'á* 'говорят'. В Нёноксе и Лахте такие формы не отмечены.

Диалектные черты прослеживаются и на других языковых уровнях. Но это тема отдельного исследования. Что касается лексики, то следует отметить, что среди диалектных слов выделяются такие группы: 1) общенародные, общие с литературным языком; 2) общие с другими диалектными системами, например: *копанцы* [кóпан'ц'и] 'большие деревянные сани для перевозки тяжестей' (отмечено в Сиб., Твер., Петерб., Пск., Новг., Урал., Брянск., РНГ, 1978, Вып. 14: 284); *копальщик* [кóпал'шык] 'могильщик' (отмечено в Пск.) (РНГ, 1978, Вып. 14: 282); *нарядка* [нар'áтка] 'наряд, одежда' (отмечено в Пск.) (РНГ, 1985, Вып. 20: 144); *полоротый* [полорóтый] 'невнимательный, рассеянный' (отмечено в Арх., Сыкт., Коми, Тобол., Красноярск., РНГ, 1995, Вып. 29: 115); 3) общие с другими говорами по составу морфем и/или звучанию, но имеющие отличия в значении: *дядина* [д'éd'ина] и [д'ád'ина] 'происхождение по дедовской линии' (Олнец.) в РНГ и 'жена дяди, тётя' в Верхн.; *попластать* [попластáт] 'потаскать за волосы' (Пинеж.), 'уничтожить в большом количестве' (Новосиб.) в РНГ и 'быстро побежать, пойти быстрым шагом' в Верхн.; 4) известные только на территории распространения тех или иных архангельских говоров: прилагательное *нашавной* 'ненадёжный, непрочный' и наречие *нашавнобе* 'кое-как', отмечающиеся в Верхн., в РНГ не вошли, но их можно соотнести с включённым в словарь глаголом *нашавить* 'напалить, наозорничать, нашкодить' (Пинежск.). В говоре тоемских деревень данный глагол не был зарегистрирован, но там у прилагательного *нашавной* есть синоним *нашуточный*, в семантике которого, может

быть более, прозрачно выступает компонент баловства, шалости, легший в основу переноса значения.

Среди рассмотренных, а также среди не получивших освещения в статье диалектных черт есть такие, которые присущи почти исключительно речи представителей старшего поколения (цоканье, стяжённые формы, постфикс *-се*, синтаксические конструкции с объектным падежом и др.) и такие, которые активно проявляются в речи диалектоносителей разных возрастных групп (оканье, [шш] и [жж], форма дательного падежа местоимения 1 л. *минé*, местная лексика, некоторые служебные и модальные слова, в их числе — *дак, ак, то, да, ну, нуко, ну давай, бай* и др.). Именно последние представляют собой языковой «материал», общий для архангельских говоров в целом и сравниваемых в частности. Ряд языковых особенностей восходит ещё к древненовгородскому диалекту, некоторые из них не представлены или находятся на грани исчезновения в современных новгородских говорах.

Литература

- АОС = Архангельский областной словарь. Под ред. Гецовой, О. Г., М., 1980-.
- Баранникова, Л. И. 1975. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации. // Вопросы языкознания, № 2. С. 22-31.
- ДАРЯ = Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. I (Фонетика, 1986), Вып. II (Морфология, 1989).
- Древнерусская грамматика XII-XIII вв. 1995. Москва.
- Зайцев, В. А. 1983. Беломорский Север: религия, свободомыслие, атеизм, Архангельск.
- Зализняк, А. А. 1995. Древненовгородский диалект. Москва.
- Захарова, К. Ф., Орлова В. Г. 1970. Диалектное членение русского языка, Москва.

- Кузнецов, П. С.* 1949. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I, Москва-Ленинград.
- ЛААО = *Комягина, Л. П.*, Лексический атлас Архангельской области, Архангельск, 1994.
- Пожарицкая, С. К.* 1997. Русская диалектология. Москва.
- Попов, С. В.* 1991. Топонимия Белого моря. // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск. С. 45-55.
- Тунгусов, А. А.* 1995. Откуда пошла Верхнетоемская земля. // Слово о людях и земле поморской. Архангельск. С. 142-151.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров.* Ленинград. 1965-.
- Шапиро, А. Б.* 1953. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Москва.

Summary:

On two contemporary Archangel'sk dialects

This article presents two dialects found in the Archangel'sk oblast', namely the dialect of the Verkhnetoemsky region and that of the Primorsky region. The "maternal base", i.e. the geographical origin, of these dialects is discussed. The most important phonetic and morphological features of the dialects are compared with the corresponding features in other contemporary Russian dialects and in the language of Old Novgorod. The main features distinguishing the two dialects are: 1) the realization of /a/ end /e/ (from ѣ) under stress between soft consonants; 2) the development of soft "cokanje"; 3) differences in morphology concerning: a) the singular dative and prepositional of I decl. nouns; b) the plural instrumental of nouns and adjectives; c) the singular masc.-neutr. genitive of adjectives; d) the 3rd person sing. of I conjug. verbs and the 3rd person plur. of II conjug. verbs.

Also features common to both dialects are discussed. The investigation of these dialects demonstrates the active functioning of regional variants in present-day Russian.

Address of the author: Ljubov' Anatol'evna Savelova, ul. Lenina 42-2, 164500 Severodvinsk, Russia.